

АЛЛА ГОЛОВАНОВА**АКУПУНКТУРНЫЕ СКАЗКИ****ЖИЛА-БЫЛА****ВИВАКА****МЕМОРИАЛ**

Жила-была Вивака. Однажды она шла по бульвару и нашла свое счастье. Счастье было таким огромным, что не вместились в рамку. Пришлось Виваке аккуратно сложить его в комнате и сделать комнату мемориальной.

ОКСЮМОРОН

Однажды Вивака и Люша делили оксюморон. Они тянули его за концы в разные стороны. Оксюморон лопнул. У Люши в руке остался страшный конек, а у Виваки — красивый.

ВОКАБУЛЯР

Жила-была Вивака. У Виваки был огромный вокабуляр. Она все время ходила с ним к Люше. Вивака доставала из своего вокабуляра разные слова и кормила ими Люшу. Люша нехотела. Иногда Люша тайком выплевывала некоторые слова и тихо играла с ними.

СЧАСТЬЕ

Жила-была Вивака. Однажды она шла по бульвару и нашла свое счастье. Счастье с ходу в руки не давалось. На бульвар срочно приехали Эва с мотком веревки и Люша со старым пледом. Через час Вивака баюкала свое счастье.

АНГЕЛ

Однажды Вивака пылесосила ангела. Он влетел к ней со двора в облаке тополиного пуха. Гудение пылесоса заглушило гудение трубы, на которой ангел что-то протрубил. После чего он улыбнулся и исчез. Вивака вздохнула и достала с полки книгу "Все об ангелах".

ГЛИЦИНИЯ

Вивака выращивала глицинию. Глициния не прижилась в огороде на даче — видимо, ей не доставало тепла; стала чахнуть и в городской квартире — наверно, ей не хватало света. Тогда упрямая и круглогодично горячая Вивака прижала ее к сердцу. Теперь она носит кашпо в дамской сумке, ветви цветущей глицинии — на шее. Друзья думают, что это диковинное ювелирное украшение одного известного итальянского скульптора.

ЖИЛА-БЫЛА**ЭВА****ЧЕШИРСКИЙ
КОТ**

Жила-была Эва. Она родилась в цирке, поэтому могла перетекать из одной страны в другую. Иногда она так стремительно пере-

текала обратно, что ее прошлая улыбка еще продолжала висеть в воздухе. Дети во дворе думали, что она — Чеширский кот.

СТРЕМЯНКА

Жила-была Эва. Она родилась в цирке, поэтому умела читать стихи, стоя на стремянке. Поклонники ходили за ней и всюду носили стремянку.

**ПОЭТИЧЕСКИЙ
ЯЗЫК**

Жила-была Эва. Однажды она гуляла по суздальским местам, и на нее напали разбойники. Эва изящно поправила шляпу и тяжело вздохнула, понимая, что ей опять придется сначала обнажить свою пирожальную суть, а потом маскировать тела врагов среди ре-мелтов. Но тут раздался волшебный шум: ей на помощь спешили друзья. Первой прибежала Вивака, грозно погромыхая метафорами. Враги дрогнули. А когда подоспевшая Люша неожиданно выстрелила в них тонким поэтическим языком — позорно бежали. Спасенная Эва сочинила оду.

ВЕРБЛЮД

Жила-была Эва. Она родилась в цирке, поэтому у нее был дрессированный верблюд. Когда Эва величественно выезжала на нем из подъезда, двор благоговейно стихал. Верблюд обожал Эву и плевался на ее недоброжелателей. Эва отвечала ему взаимностью и в знак особого расположения позволяла раз в году съесть какую-нибудь свою соломенную шляпку.

ВСЯ ТОЛПА ЭВ

Жила-была Эва. Она родилась в Одессе, поэтому ее было так много внутри, что когда она выходила из себя, образовывалась целая толпа. Все вышедшие Эвы тут же принимались читать стихи и беседовать об искусстве. У Эвы был рыцарь. Он не умел выходить из себя толпой и очень терялся, пытаясь одновременно ухаживать за каждой Эвой в отдельности. При этом терялся рыцарь настолько самозабвенно, что порой вся толпа вынуждена была его долго искать.

СВОЙ МИР

Жила-была Эва. Она родилась в цыганском таборе, поэтому весь свой мир всегда носила с собой. Во время дружеской беседы она запросто могла извлечь из сумочки по мере необходимости то шляпу, то рыболовную сеть, то верблюжью сбрую. Сотрудники Литературного музея опасались заводить с ней разговоры о тайфунах, черных дырах и железной дороге.

**СТАРАЯ
ЛЮБОВЬ**

Жила-была Эва. Однажды она сидела на берегу моря

и выдергивала пассатижами гвозди из сердца. Дернув последний гвоздь, она внимательно его осмотрела и хмыкнула: "И они еще будут мне рассказывать, что старая любовь не ржавеет!"

КОНЕЦ СВЕТА

Однажды Эва покорно дождалась конца света в Мытищах. Ее нечаянно заперли в чужой квартире. Она тихо написала себе эпитафию. И устроила Армагеддон внезапно вернувшемуся хозяину.

**РЕЗО-
НИРУЮЩИЙ
ВЕРБЛЮД**

Однажды Эва беседовала с Живым Классиком, и он посетовал, что ему никак не удается достоверно передать в новом произведении интонацию резонирующего верблюда. "О, это так легко!" — сказала Эва. — Просто представьте себе не вынужденного сигару изо рта говорящего Черчилля".

ПОГРАНИЧЬЕ

Жила-была Эва. Она родилась на пограничной заставе, поэтому была полуглотом. Она поглотила два языка и говорит поочередно то на одном, то на другом.

**МЕЛКАЯ
ДРОБЬ**

Однажды Эва и Люша пили шампанское, хохотали и кипели метафорами. Образы мелкими дробинками поднимались к потолку и сквозняком относились к окну. "Как замечательно!" — сказала Эва. — Ты знаешь, если бы у меня на окне висели занавески из ситца, они бы сейчас превратились в тюль".

**ЖИЛА-БЫЛА
ПАНСА****ГЛУБИНА**

Жила-была Панса. Однажды она переплывала бассейн и увидела в глубине чьи-то ноги. "Утопленник", — догадалась Панса, бросилась его спасать и вытаскивала на поверхность отчаянно сопротивляющегося аквалангиста. "Этот удивительный подводный мир!" — поделилась она радостью с подоспевшей административной бассейна.

ЛИТЕРАТУРА

Однажды Панса подражалась с Живым Классиком из-за его нерадивости в написании нового шедевра. Это был ее личный вклад в литературу.

**ХОРОВОЕ
ПЕНИЕ**

Жила-была Панса. Она родилась в поезде, поэтому

никогда не могла остановиться. Порой она в одиночестве начинала петь хором и постепенно входила в такой раж, что через некоторое время бросалась сама себе подпевать.

**ЛЮБОВЬ
К МОЦАРТУ**

Однажды Панса долго разучивала сложный пассаж на скрипке, и на нее ополчились соседи. "Простите меня, тетеньки и дяденьки, — с чувством обратилась она к потерпевшим. — Я была уверена, что вы любите Моцарта! А уж если вы совсем не любите Моцарта, то как вы относитесь к веселой ритмичной музыке? Как раз завтра состоится первая ретелиция моей новой хардрок-группы".

НА КОНЦЕРТЕ

Однажды Панса во время рок-концерта исполнила несколько старинных романсов.

— Почему ты это сделала? — удивились друзья.

— В зале стало душно, как в камере. Вот я и изобразила нечто камерное. Зато потом как все проснулись и подпрыгнули от барабана, будто сквозняком стекло разбило!

**ЛЮБОВЬ
К ИСКУССТВУ**

Однажды Панса умерла от любви к искусству. Потом опомнилась и устроила себе веселые поминки.

**ЖИВОЙ
КЛАССИК**

Жил-был Живой Классик. Живым его называли потому, что он классно вырезал бумажные фигурки из листов хрестоматий и оживленно оживлял их.

**ЛИНГВИ-
СТИЧЕСКИЙ
ЗАЕЗД**

Однажды Живой Классик провел безвылазно 30 дней в старом автомобиле, значаком с достопримечательностями Пиренейского полуострова. В результате он сумел на ходу освоить множество испанских существительных, виртуозно согласовывая их с красочными русскими прилагательными. "Однако замечательная была ЛИНГВЗДА!" — с теплотой вспоминал он впоследствии.

**ГРАНДИОЗНЫЙ
ПРОЕКТ**

Однажды Кину на голову свалился грандиозный проект. Проект набил Кину огромную шишку, но принес много денег. С тех пор Кин иногда дежурит в каске на месте падения.

**ПОЛЕТ
ВАЛЬКИРИЙ**

Она вся светилась добротой. Тогда я этого не осознавал, но теперь мне очень хочется так думать. Ее легкая походка и тихий покой ее ясных глаз не давали пройти мимо. Нимба над головой не было, но собранные иногда на затылке светлые волосы казались ореолом. Особенно — когда заглянешь в большую студию, где они, "старшие", работали, и мельком увидишь ее стройный силуэт на фоне огромных старинных окон, где мы учились искусству в бывшем здании Общества поощрения художеств.

С нее начался мой Вагнер. Однажды, проходя мимо "старших", я остановился, пораженный музыкой необычайной силы и красоты.

Музыки я знал к тому времени, к моим 17 годам, много. Но эта...

Пораженный, я застыл, прислонившись к стене "их" студии. Вдруг дверь отворилась, и — о восторг! — вышла она в замызганном краской халате и с кистями в руках. Как обычно, мило поздоровалась — с достоинством и простотой, доступными лишь женщинам высшего порядка.

— Привет.

— Привет, — говорю я, чувствуя прилив немого восторга. — Кто это? — спрашиваю я, кивая в сторону дивной музыки, обрадованный случаем перекинуться с ней парой слов.

— Это Вагнер, "Повет валькирий", — отвечает она, проплывая мимо.

Пригвожденный музыкой и "ею" к стене, я еще долго стою, глядя в никуда. Одну валькирию я знал к тому времени. Она, благородно-серо-зеленая, писанная большим уже Врубелем, держит под уздцы ретивого коня и глядит на нас агатовыми глазами со стены Одесской картинной галереи. О, вожденный маленький зальчик! Напротив окна — Врубель, справа — Серов. Моя молельня, мой храм. Место терзаний, зависти и надежд. Мы все тогда надеялись — ведь это было самое начало, и оно было ошеломительно прекрасно. Впереди — только восторг творчества, большого настоящего творчества, такого же, как это, в маленьком зальчике бывшей коллекции Брайткевича.

Но "ее" надеждам не суждено было сбыться. Вскоре после окончания училища я узнал трагическую весть. Это было ошеломляюще нереально. И сейчас, три десятилетия спустя, так же нереально, как и тогда.

Какое мне-то дело? — думаю я через 35 лет на другом конце Земли. Ведь она тогда уже была женой другого. И тот другой (вообще-то, славный парень и художник) наверняка прожил все эти годы, храня память о ней, как святыню. И не он один, а многие, кто знал "ее", и я — лишь среди многих прочих.

За долгие годы жизни в искусстве я видел чудные таланты, обещающие вспыхнуть звездой, но жизнь, неумолимая и жестокая жизнь подминала их под свой неизбежный каток. Или "террор среды", или рок настаивает божественного творца. И мрачные валькирии преждевременно уносят носители света и добра в неумолимое царство теней.

Поэт уже однажды пригвоздил "равнодушную природу" к позорному столбу.

Надо делать это еще и еще, больше и дальше. Везде и всюду. И тогда, может быть, через много-много лет мы научим ее беречь наших лучших собратьев. Мы научим ее быть осмелительнее и разборчивее на страшном и неправом суде.

Мы должны ее научить этому, к большому огорчению бесстрастных, пустоглазых и величественных валькирий.

Боритесь, друзья, протестуйте, ибо это не может так продолжаться всегда!

Леонид ГЕРВИЦ.
Сеул — Одесса,
2003.